

Когда Хань Сюэцин вернулся в восточный флигель, прижимая к себе комплект тренировочной одежды «Цзыся», он нос к носу столкнулся с Су Лин, которая развешивала выстиранные юбки. Бледно-розовый подол, подхваченный ветром, трепетал на бамбуковой вешалке, словно крылья бабочки, и у Хань Сюэцина сердце ушло в пятки: если Су Лин обнаружит мужскую одежду, спрятанную под кроватью, она наверняка тут же поднимет крик, что в доме шпион.

— Вернулась, младшая сестренка? Скорее посмотри, какие персиковые пирожные я для тебя оставила! — Лин Ваньэр высунулась из-за бамбукового стола. В руке она держала надкусанное лакомство, а в уголках губ прилипли крошки, отчего она походила на маленького бурундука, укравшего еду. На столе стояло блюдо с пирожными и дымящаяся миска с супом из семян лотоса. Сладкий аромат, смешанный с теплым паром, поплыл по комнате, и у Хань Сюэцина от голода заурчало в животе.

Он только успел положить тренировочный костюм на кровать, как Лин Ваньэр усадила его за стол:

— Попробуй скорее! Это новые пирожные из столовой, в них добавили медовый цветок, они отлично восстанавливают духовную энергию. Я специально приберегла для тебя три штуки, даже старшая сестра Су Лин не стала их есть, чтобы тебе досталось.

Су Лин, закончив с бельем, подошла ближе и с улыбкой легонько ткнула Лин Ваньэр в лоб:

— Говоришь так, будто я такая жадина. Просто не хотела, чтобы ты съела порцию младшей сестры. Сюэцин, ешь скорее, пока не остыло.

Хань Сюэцин взял одно пирожное и откусил кусочек. Тесто оказалось рассыпчатым, начинка — сладкой, но не приторной, с тонким цветочным ароматом. И правда, вкуснее, чем домашние сладости. Он жевал и кивал:

— Очень вкусно! Спасибо вам, старшие сестры.

— Раз вкусно, ешь больше! — Лин Ваньэр пододвинула к нему миску с супом. — Этот суп сварен на лотосах из теплых источников, что в задних горах. Он прогоняет холод и очень полезен для здоровья. Ты ведь вчера на тренировке мечом руки дрожали? Попей этого отвара, точно станет легче.

Хань Сюэцин принял миску, и по его сердцу разлилось тепло. Он и не думал, что к нему, поддельной ученице, будут относиться с такой заботой. Он опустил голову, попивая суп, и боковым зрением заметил, что Су Лин начала прибираться у кровати. Его сердце пропустило удар — в вещах остались мужские наряды и фамильный меч семьи Хань, переданный отцом. Если Су Лин случайно наткнется на них, всё будет кончено.

— Младшая сестра, что с тобой? Пьешь суп и витаешь в облаках? — Су Лин заметила неладное и обеспокоенно спросила: — Тебе нехорошо?

— Нет, ничего! — Хань Сюэцин поспешно замотал головой и залпом допил суп. — Я просто

думала, как тренироваться завтра, чтобы добиться прогресса быстрее. Кстати, старшая сестра, нужно ли по вечерам гасить свет в общежитии? Я хотела бы подольше попрактиковаться в технике Очищения сердца.

Су Лин улыбнулась:

— Гасить не обязательно, но после часа Свиньи нужно соблюдать тишину, чтобы не мешать остальным. Если хочешь заниматься, можешь зажечь на столе вечную лампу. Масло для нее особое, она светит всю ночь и не расходует духовную энергию.

Хань Сюэцин кивнул, почувствовав облегчение. Он быстро убрал посуду, пододвинул свой багаж подальше под кровать и прикрыл край одеялом, чтобы ни один мужской лоскуток не выглядывал наружу.

Этой ночью он сидел за столом, освещенный вечной лампой, и практиковал технику Очищения сердца. Лин Ваньэр и Су Лин уже спали, в комнате стояла тишина, прерываемая лишь стрекотом насекомых за окном да едва слышным движением внутренней энергии. Он следовал указаниям из среднего раздела трактата, направляя поток силы по телу. Проходя через грудь, энергия все еще натывалась на холод, но теперь путь был куда свободнее — похоже, лотосы и мазь действительно помогали.

Когда наступил час Крысы, Хань Сюэцин почувствовал усталость и прекратил практику. Он только собрался лечь в постель, как услышал бормотание Су Лин во сне:

— Завтра идем к пруду Очищения духа... нужно не забыть мыльные бобы...

Сердце Хань Сюэцина подскочило к самому горлу. Пруд Очищения духа? Это та самая общественная баня, о которой говорила Лин Ваньэр? Как он, мужчина, может пойти в общую женскую баню? Если его разоблачат, он не то что в отборе секты не поучаствует — его вышвырнут из Цинсинь в тот же миг!

Он ворочался в кровати, не в силах уснуть. В голове крутились мысли, как избежать похода в баню. Притвориться больной? Сказать, что начались месячные? Но он даже не знал, что это такое, и если начнут расспрашивать о деталях, сразу проколется. Сказать, что боится воды? Лин Ваньэр уже знает об этом, если Су Лин спросит снова, нельзя же вечно использовать одну и ту же отговорку.

— Ладно, будь что будет, — вздохнул он, заставляя себя закрыть глаза. Оставалось только молиться, чтобы в пруду было поменьше людей или нашелся способ помыться в одиночку.

На следующее утро Хань Сюэцина растолкала Лин Ваньэр. Открыв глаза, он увидел, что та держит в руках розовое платье и сияет от радости:

— Младшая сестренка, вставай! Сегодня идем в пруд Очищения духа. Я взяла для тебя новые мыльные бобы, ароматные, после них тело будет пахнуть как весенний сад!

Лицо Хань Сюэцина мгновенно побелело, он поспешно натянул одеяло до подбородка:

— Я... я не пойду! Мне нужно на тренировочную площадку, времени на баню нет.

— Да когда еще потренируешься, успеешь! — Лин Ваньэр положила платье на кровать. — Вода в пруду теплая только по утрам, к полудню она остывает. К тому же мы три дня не мылись, от нас уже пахнет, тебе самой не противно?

Хань Сюэцин сглотнул и, набравшись храбрости, ответил:

— Мне не противно. Я чувствую себя вполне чистой, мыться не обязательно.

— Как это не обязательно? — Су Лин тоже проснулась, протерла глаза и села. — В секте Цинсинь есть правило: каждые три дня ученики обязаны посещать пруд Очищения духа, чтобы соблюдать опрятность. Если не пойдешь и старейшины узнают, мало того что заставят переписывать устав, так еще и на итоговой оценке отразится.

У Хань Сюэцина екнуло сердце — и такое правило есть? Почему он не знал? Он поспешно сел и нашелся:

— Я... я вчера на тренировке подвернула ногу, ходить больно, не дойду до пруда.

— Подвернула? — Лин Ваньэр тут же присела и откинула одеяло, чтобы осмотреть его ногу. — Где? Дай посмотрю! У меня есть мазь для кровообращения, помажешь, и сразу пройдет.

Нога была в полном порядке, никакой травмы не было. Он быстро отдернул ее и покраснел:

— Ничего серьезного, просто немного ноет, за день пройдет. Идите, я вас в комнате подожду.

Лин Ваньэр и Су Лин переглянулись, в их глазах читалось сомнение. Но они не стали допытываться, решив, что нога и правда болит, и ушли к пруду.

Проводив их взглядом, Хань Сюэцин выдохнул. Он обессиленно откинулся на подушки, вытирая пот со лба — к счастью, не разоблачили. Но он понимал, что это лишь временная отсрочка, нельзя вечно придумывать оправдания. Нужно найти способ надолго, иначе провал неизбежен.

Следующие несколько дней он постоянно искал предлоги, чтобы избежать похода к пруду: то нога болит, то голова, то нужно медитировать. Лин Ваньэр и Су Лин находили это странным, но не задавали лишних вопросов, списывая все на плохое самочувствие.

Однако сколько веревочке ни виться... В одно прекрасное утро Лин Ваньэр просто стащила его с кровати, держа в руках новое платье:

— Младшая сестра, сегодня ты идешь с нами! Ты неделю не мылась, вчера на тренировке я

уже чувствовала от тебя запах пота!

Лицо Хань Сюэцина вспыхнуло, он зажал нос:

— Неправда! Я вчера переодевалась, откуда взяться запаху?

— Как откуда? — Лин Ваньэр принялась, приблизившись к нему. — Посмотри, у тебя на шее следы пота! Живо собирайся, иначе я расскажу старшей сестре, что ты нарушаешь правила секты!

Делать нечего, пришлось подчиниться:

— Хорошо, хорошо, я иду.

Он плелся следом за девушками, а сердце колотилось в груди, словно пойманный кролик. Пруд находился на юго-западе секты, это был открытый водоем, окруженный ивами, с небольшими кабинками для переодевания. Вода парила, в ней уже плескались другие ученицы.

— Иди в ту кабинку, мы с Су Лин подождем тебя здесь, — Лин Ваньэр указала на свободное место и протянула ему мыльные бобы.

Хань Сюэцин зашел внутрь. Кабинка была крошечной, внутри лишь каменная скамья да деревянный таз на полу. Он закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Что делать? Неужели правда придется мыться здесь? Если кто увидит, сразу поймет, что он мужчина!

Он долго возился в кабинке, так и не решившись снять одежду. Снаружи раздался голос Лин Ваньэр:

— Младшая сестра, ты переоделась? Почему так долго?

— Сейчас, почти готова! — отозвался он, лихорадочно соображая. Вдруг он вспомнил, что в подаренном отцом мешочке есть одежда невидимости — фамильная реликвия семьи Хань, позволяющая скрыться на полчаса. Он выудил ее и натянул под платье — к счастью, она плотно прилегала к телу и была незаметна.

Глубоко вздохнув, он приоткрыл дверь и проскользнул к воде. Ученицы терли друг другу спины и не замечали его. Воспользовавшись моментом, он нырнул в воду, быстро намылился, ополоснулся и пулей выскочил обратно в кабинку.

Но едва он успел одеться, как снаружи поднялся шум. Он выглянул из-за занавески — несколько учениц окружили скамью и что-то обсуждали. Лин Ваньэр и Су Лин тоже были там, на их лицах читалось изумление.

— Что случилось? — тихо спросил Хань Сюэцин, подходя ближе.

— Смотри, — Лин Ваньэр указала на предмет, лежавший на скамье. — Кто-то обронил накладки для груди, набитые шелковой ватой!

Лицо Хань Сюэцина стало бледнее мела. Это же те самые накладки, которые он потерял у старшей сестры Лю! Как они здесь оказались? Он низко опустил голову, боясь встретиться с кем-то взглядом.

— Чьи это? Как же можно быть такой невнимательной? — одна из учениц подняла накладку и поморщилась. — Качество ваты хорошее, но размер маловат. Видимо, у кого-то из младших сестер совсем нет груди.

Остальные рассмеялись, а уши Хань Сюэцина стали пунцовыми. Хотелось провалиться сквозь землю. Он потянул Лин Ваньэр и Су Лин за рукава:

— Пойдемте отсюда, здесь слишком много народу, мне нехорошо.

Девушки, чувствуя неловкость, согласились и покинули пруд.

Вернувшись в общежитие, Хань Сюэцин обессиленно рухнул на кровать. Его била дрожь — к счастью, никто не догадался, что это его накладки, иначе бы он разоблачил себя сам. Но он понимал: это лишь начало, впереди ждет еще больше проблем. Нужно быть предельно осторожным, чтобы остаться в секте Цинсинь.

Вечером, глядя на лунный свет за окном, он дал себе клятву:

— Хань Сюэцин, ты должен стараться! Стоит стать личным учеником, выучить высший раздел техники Очищения сердца и исцелить холодные меридианы — и всё это будет не зря!

Однако он не знал, что отбор секты начнется совсем скоро, а его противники куда сильнее, чем он мог вообразить. И еще меньше он догадывался, что из-за одной маленькой ошибки на этом отборе он едва не раскроет свою тайну.

<http://bllate.org/book/18929/1852213>